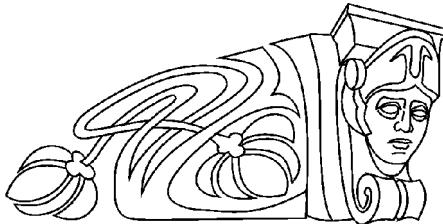

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 534–544
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 534–544
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-534-544>, EDN: QNHCOM

Научная статья

УДК 616.932-036.22(470.44/.47)|182/183|

Холера в Нижнем Поволжье: из истории холерных эпидемий в России в 1820–1830-е гг.

А. Д. Аукштыкальните

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Аукштыкальните Анна Дмитриевна, кандидат исторических наук, ¹доцент кафедры «История и философия», ²ассистент кафедры истории России и археологии, aukshtykalnite@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8036-5971>, AuthorID: 1165960

Аннотация. Статья посвящена истории холерных эпидемий в Российской империи в 1820–1830-е гг. с акцентом на события в Нижнем Поволжье в 1830–1831 гг. При работе с уникальными архивными материалами была сделана попытка восстановить хронологию тех тревожных событий от появления нулевого пациента в 1830 г. в предместьях Астрахани до разрастания эпидемии за пределы Астраханской губернии в Нижнем Поволжье. В статье рассматривается содержание ряда документов, относящихся к переписке императора Николая I, шефа жандармов, начальника III Отделения А. Х. Бенкendorфа с чиновниками, принимавшими участие в борьбе с холерой в Нижнем Поволжье. Корреспондентами, писавшими донесения в столицу, были А. С. Осипов, В. Я. Родзлавец, И. Лавров, М. Соболевский, В. Быков, Л. В. Дубельт и др. Данная переписка, раскрывающая суть происходивших в Астрахани событий, хранится в Государственном архиве Российской Федерации, а также в Государственном архиве Саратовской области.

Ключевые слова: холера, эпидемии холеры, история медицины, Российская империя, Нижнее Поволжье, Астрахань, Царицын, Саратов

Для цитирования: Аукштыкальните А. Д. Холера в Нижнем Поволжье: из истории холерных эпидемий в России в 1820–1830-е гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 534–544. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-534-544>, EDN: QNHCOM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cholera in the Lower Volga region: From the history of cholera epidemics in Russia in the 1820s and 1830s

A. D. Aukshtykalnite

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna D. Aukshtykalnite, aukshtykalnite@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8036-5971>, AuthorID: 1165960

Abstract. The article is devoted to the history of cholera epidemics in the Russian Empire in the 20–30s of the XIX century with an emphasis on the events in the Lower Volga region in 1830–1831. Working with unique archival materials, the author made an attempt to restore the chronology of those alarming events from the appearance of patient zero in 1830 in the suburbs of Astrakhan to the spread of the epidemic beyond the Astrakhan province in the Lower Volga region, trying to find an answer to the question of why the second cholera epidemic, which began again on the Volga, acquired such a scale in such a short time. The article examines the content of a number of documents related to the correspondence of Emperor Nicholas I and A. Kh. Benkendorff with a number of officials who took part in the fight against cholera in the Lower Volga region. The correspondents who wrote reports to the capital were A. S. Osipov, V. Ya. Roslavets, I. Lavrov, Mikulin, M. Sobolevsky, V. Bykov, L. V. Dubelt and others. This correspondence, revealing the essence of the events that took place in Astrakhan, is stored in the State Archives of the Russian Federation, as well as in the State Archives of the Saratov region.

Keywords: cholera, cholera epidemics, history of medicine, Russian Empire, Lower Volga region, Astrakhan, Tsaritsyn, Saratov

For citation: Aukshtykalnite A. D. Cholera in the Lower Volga region: From the history of cholera epidemics in Russia in the 1820s and 1830s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 534–544 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-534-544>, EDN: QNHCOM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Предисловие

История эпидемий – актуальное направление исторических исследований, получившее дополнительный импульс к развитию после недавней пандемии COVID-19. В последние годы наметилась тенденция к активному изучению истории эпидемий холеры в разных регионах России, включая Нижнее Поволжье. Так, фактограммам распространения холеры в Поволжье в конце XIX–XX вв. посвящены статьи М. В. Ковалева, А. С. Шешнева [1, 2], завоз холеры в Саратов в XIX в., методы лечения болезни, а также обзор источников личного происхождения, в которых упоминается эпидемия, представлены в статьях А. Ю. Варфоломеева [3–5], основные этапы борьбы с холерой в Нижнем Поволжье в конце XIX – конце XX вв. проанализированы С. В. Виноградовым и Ю. Г. Ещенко [6], Д. В. Михелем [7], причины холерных бунтов, сопровождавших эпидемию, изучены Е. М. Смирновой и Н. Т. Ергиной [8] и др. Ряд иностранных исследователей также посвятил свои труды эпидемиям холеры в России [9–11]. Однако большинство исследований затрагивают события конца XIX – начала XX в., оставляя поле для научного изучения холерных эпидемий в Нижнем Поволжье в первой половине XIX столетия.

«Холера – болезнь не наша. Ея родина – Азия, поэтому она и называется азиатской. Здесь, в Индии, в дельте священной реки Ганга, в Сундарбандасе, она никогда не прекращается. И только после сильных разливов Ганга, что бывают... каждые 18 лет, холера из своей полосы постоянного местоприбытия распространяется по всей Бенгалии и получает уже характер эпидемический», – так начинается популярный очерк Б. Е. Рацковича, главного врача Саратовской Андреевской общины сестер милосердия, посвященный азиатской холере и изданный в Саратове в 1908 г. [12, с. 3].

К моменту написания Б. Е. Рацковичем очерка уже был открыт холерный вибрион. Открытие совершил итальянский анатом Ф. Пачини, который в 1854 г., проводя вскрытие жертв эпидемии, обнаружил, что причиной инфекции стала бактерия, которую он назвал *Vibrio cholerae*. К аналогичному выводу в этом же году в Лондоне пришел английский врач, один из основоположников современной эпидемиологии, Дж. Сноу. Именно Дж. Сноу определил, что источником распространения болезни в столице Англии являлась водоразборная колонка. К сожалению, исследования Ф. Пачини и Дж. Сноу многие годы игнорировались медицинской наукой [13]. В России в 1872 г. изучал холеру Э. Ф. Недзвецкий [14]. В 1883 г. Р. Кохом была выделена и подробно изучена чистая культура, а в 1905 г. Ф. Готшильх из трупа паломника на карантинной станции Эль-Тор выделил новый вибрион, получивший название *Vibrio cholerae Biovar El Tor*. Б. Е. Рацкович

подсчитал, что за минувшее девятнадцатое столетие и начало двадцатого века «холера совершила семь кругосветных путешествий» [12, с. 3], впервые посетив Европу в 1823 г. Современные же эпидемиологи говорят о шести пандемиях, которые произошли в период между 1817 и 1926 гг. [15, с. 308]. С 1961 г. холеру Эль-Тор считают виновницей седьмой пандемии.

Холера, известная с древности, проявляется в разных уголках мира по сей день. Однако до XIX в. заболевание локализовалось в основном на полуострове Индостан. Развитие торговли и транспорта привело к распространению холеры в другие регионы. В 1823 г. на Западе Европы первые случаи холеры были зафиксированы на побережье Средиземного моря, а на Востоке – на берегах Каспия.

Возникнув в Индии в 1817 г., к зиме 1822/23 г. холера появилась вблизи российско-персидской границы, весной 1823 г. болезнь дошла до персидского Гиляна, далее обнаружилась на Кавказе в Тальшинском ханстве, в крепости Ленкорань, летом появилась в Ширванской провинции, затем в Баку, а в сентябре вспышка холеры случилась среди работников порта в Астрахани, унеся жизни 192 человек из 371 заболевшего [16, с. 98]. Далее холера появилась в Красном Яре, в 30 верстах от города. Вспышка болезни в Астраханской губернии длилась с 10 сентября по 4 октября 1823 г. и в общей сложности унесла жизни 205 человек из 392 заболевших [17, с. 7]. По счастливой случайности, холера в тридцатысячной Астрахани не вышла далеко за пределы города и быстро угасла, притом что никаких карантинных мер тогда не предпринималось.

7 октября 1823 г. из столицы были командированы профессора Санкт-Петербургской медико-хирургической Академии О. Калинский и С. Хотовицкий, которые, изучив произошедшее в Астрахани, заключили, что «болезнь выражалась теми же припадками и явлениями, как и в Ост-Индии и других местах, а именно: сначала появлялись либо жестокая рвота, либо понос, либо и то, и другое вместе, к этому присоединялись жестокие судороги сперва в руках и ногах, а потом и во всем теле, при чем больной чувствовал несносную тоску, сильное стеснение в груди, давление, иногда жесткую боль в подвздошах и в самом предсердии» [18, с. 88]. Медики резюмировали, что холера поражала в первую очередь городские низы и крестьян, по мнению профессоров, важную роль сыграли колебания дневных иочных температур от жары к холоду при обилии утренней росы и туманов. «Воздух сгущенный и тяжелый» с неприятным запахом или гарью, «испарения», как полагали врачи, были главнейшими источниками порождения болезнестворного начала.

Первая европейская эпидемия холеры не дошла до «сердца» России. В 1829 г. нулевой

пациент появился в Оренбурге, а годом позднее самое настоящее бедствие постигло Астрахань. Считается, что холеру в Оренбург занес торговый караван из Бухары. В 1827 г. холера поразила Среднюю Азию, из Бухары и Хивы она проникла на земли монголов и киргизов, а оттуда в августе 1829 г. пришла в Оренбург [19, с. 144]. Оренбургский губернатор, встревоженный новостями о страшной болезни, приказал чиновнику по особым поручениям направить несколько сотен казаков на перехват караванов из Средней Азии с целью проверки торговцев и их прислуги на предмет наличия симптомов заболевания. Д. И. Дранкин описывает трагикомичный эпизод «проверки» каравана, когда казаки и посланный чиновник заставили купцов клясться на Коране, что среди них нет больных холерой, затем торговцы из Бухары должны были распаковать тюки и бросать друг в друга клочья шерсти и хлопка, съесть некоторое количество сухофруктов и пожевать хлопок и шерсть [17, с. 8–9]. К несчастью, как ни старались казаки, симптомов заболевания выявить они не смогли, и предпринятые губернатором меры воздействия не возымели. Что примечательно, в Оренбурге первым заболел купец, имевший торговые сношения именно с Бухарой.

В воспоминаниях графа А. Х. Бенкендорфа, шефа жандармов и начальника III Отделения, это событие также нашло свое место: «На границах империи в Оренбургской губернии появилась смертоносная холера. Эта страшная болезнь, которую знали только по ее названию и по ее ужасным опустошениям, привела всех в ужас тем больший, что помочь медицины и полиции были столь же неизвестны, сколь и трудны в оказании. Тем временем общественное мнение требовало объявления карантина, создания санитарных кордонов. По этому поводу были отданы в высшей степени точные и энергичные приказания, исполненные с той деятельностью, которую железная воля императора придавала всем его поступкам. В указанные места были посланы войска, собрали крестьян, была сформирована линия для защиты внутренних губерний и обеих столиц от этого страшного бедствия, страх перед которым еще увеличивал опасность» [20, с. 452–453]. Холера окончилась в Оренбургской губернии лишь в 1831 г., где она продолжалась даже при холодах от 18 до 30 градусов, не причиняя, впрочем, значительной смертности [19, с. 144], о чем свидетельствует донесение А. Х. Бенкендорфа от 27 января 1830 г. [21, л. 11].

В 1829 г. холера поразила столицу Персии – Тегеран. В феврале 1830 г. болезнь добралась до Тифлиса, в октябре 1830 г. обнаружилась уже в Одессе, затем в Крыму. Продвигаясь же на север от Персии, вдоль Каспийского моря, в июне 1830 г. болезнь пришла в Астрахань.

Борьба с эпидемией холеры в Нижнем Поволжье в 1830 году

9 июля 1830 г. в Астрахани был написан секретный доклад, адресованный А. Х. Бенкендорфу. Автор – жандармский подполковник Микулин [21, л. 1] – писал своему шефу о появившейся болезни cholera morbus близ Астрахани. Согласно сведениям, несколько матросов военного брига «Баку» с признаками холеры оказались в карантине.

Незадолго до этого по партикулярным письмам из Персии стало известно, что холера свирепствовала там во многих городах, в том числе имевших торговые сношения с Астраханью. В связи с этим еще зимой 1830 г. стали устраиваться карантины для торговых судов, приходящих из Персии [21, л. 1]. Но, несмотря на предпринятые меры, болезнь все же добралась до Астрахани.

Подполковник Микулин был не единственным, кто в те тревожные дни докладывал А. Х. Бенкендорфу о назревающей угрозе. Титулярный советник М. Соболевский писал в III отделение: «Первое о холере известие дошло до меня 17 мая от начальника здешнего таможенного округа». 5 июня Соболевский получил сведения о том, что холера «свирепствовала в Персии, а в границы империи не входила» [21, л. 10]. 13 июня холера якобы дошла до Сальян, и следом «командующий портом уведомил, что болезнь оказалась у некоторых морских служителей, прибывших к Седлисовскому карантину от острова Сары на военном бриге «Баку». Соболевский также отправил известие губернатору, в котором просил принять меры к «усилению кордонов и к учреждению при Седлисовском карантине брандвахты» [21, л. 10].

Каждая эпидемия в истории человечества всегда начинается с первого заболевшего, т. н. нулевого пациента. В случае начала эпидемии холеры 1830 г. в Астраханской губернии нам до подлинно неизвестно имя этого человека, также мы знаем, что это был один из матросов военного брига «Баку». Из рапорта вице-губернатора Саратовской губернии В. Я. Рославца императору Николаю I, написанного в июле 1830 г., нам известны подробности произошедшего. 8 человек из экипажа были освидетельствованы врачом (из донесений Микулина: «Отправлен для освидетельствования экипажа член врачебной управы доктор И. А. Суворов»), который доложил, что 4 июля в три часа ночи у «одного из матросов началась рвота слизистой материей и понос водяной жидкостью, а затем последовали судороги в ногах. В 11 часов открылись такие же припадки у другого, а 5 и 6 числа еще 6 человек подверглись той же болезни, из коих 4 находятся трудными, прочие же подают некоторую надежду к выздоровлению», из чего врач сделал вывод, что это была «холера морбус» [22, л. 1 об.].

16 июля командующий портом доложил о появлении холеры в разных местах и на разных судах. Но, несмотря на ухудшающуюся обстановку, губернатор посчитал, что «винаю смерти трех человек ... на бриге «Баку» были более случайные причины, с прекращением которых действие болезни остановилось» [21, л. 12]. Так не халатное ли отношение к угрозе холеры и обустройству карантинных зон со стороны местных властей во главе с гражданским губернатором А. С. Осиповым стало первым шагом на пути к большой трагедии?

В рапортах Микулина от 17 и 19 июля снова встречаем критику губернатора: «Г-н гражданский губернатор Осипов, вопреки общему мнению, из одного каприза» доложил «г-ну главноуправляющему здешним краем фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому, что карантин следовало основать в Бертьюле. Место сие состоит в 12 верстах от Астрахани и, по мнению благомыслящих особ и опытных морских офицеров, совершенно неудобно, ибо Волга, впадая в Каспийское море многими рукавами, дает средство сообщаться с Астраханью мимо оного... если не морскими судами, то большими катерами. Следовательно, настоящее сообщение в случае болезней не может предупредиться» [21, л. 3].

Седлисовский же карантин на взморье не имел на тот момент «и тени устройства, девять человек вышеупомянутых больных были помещены в балаганах и на матах, из парусов устроенных». Микулин сетовал, что «средство сие могло быть позволенным на биваках во время войны, но в мирное время на границах твердого владения необходимо было что-либо лучшее» [21, л. 4]. И хотя гражданский губернатор считал необходимым построить здесь деревянное помещение, «несколько лет к тому не было принято действительных средств». Бедственное положение было исправлено благодаря заботам астраханского первостатейного купца Сапожникова, который передал принадлежащее ему строение, предварительно уже подготовленное для нужд медицинской службы. Микулин, завершая свой доклад, резюмировал: «В случае появления – от чего Боже сохрани – серьезной болезни, здешнее начальство весьма неблагонадежно» [21, л. 7].

Однако, несмотря на единогласную критику действий гражданского губернатора Микулиным и Соболевским, следует отметить, что все-таки меры по предотвращению распространения болезни им были приняты. Несколько раз на совещания были собраны все здешние медики, власть внимательно выслушала мнение врачей «о свойствах сей болезни и о мерах к пресечению распространения оной». Безопасность жителей Астрахани, кроме кордонов, ограждалась и обеспечивалась двумя карантинами: «первым, внешним или Седлисовским, устроенным в море

на острове, называемым Бирючья коса, в расстоянии более 80 верст от Астрахани» и «вторым, внутренним, или, так называемым, центральным, устроенным при одном из протоков Волги и называемым Бертьюльским, 18 верстах от города» [21, л. 10]. В Седлисовский карантин был командирован второй медик, а также направлены стройматериалы для постройки всех необходимых помещений. Для наблюдений и распоряжений был отослан в карантин вице-инспектор карантинной конторы Золотницкий. Кордоны были вновь осмотрены и усилены.

21 июля Микулин в своем донесении сообщил «о появлении вчерашний день в самом городе Астрахани смертельной болезни. Она образует в себе разные наружные притядки, как то: понос, рвоту, а частично и совсем без оных – производят почти скоропостижную смерть. Пособие, подаваемое медиками по правилам против холеры, не имеет успеха. Некоторые из врачей признают болезнь сию за желчную горячку или хуже. До сей минуты способов предотвратительства не принято. Полиция суетится бесполезно, не имея средств к оному. По сию минуту умерло или в ненадежном состоянии до 12 уже человек» [21, л. 5].

Согласно официальным документам, первым, кого поразила болезнь в самой Астрахани, стал некто мещанин Б., «мужчина лет средних, крепкого сложения идержанной жизни», который служил маклером и «не имел никакой связи и сообщения с людьми, с моря приходящими» [21, л. 11]. Еще накануне вечером он был совершенно здоров, в полночь его состояние резко ухудшилось, появилась рвота и судороги. Соболевский писал, что врачом употреблены были все обыкновенные средства к излечению, но все оставалось бесполезным, в 8 часов утра пациент скончался, после чего он велел анатомировать тело усопшего. Врачи заключили, что признаки болезни «нашли одинаковы с теми, какие были находмы в холере 1823 года» [21, л. 9].

Микулин писал в столицу, что в Астрахани «весьма необходимы врачи опытные», поскольку местный штат медиков состоял «в основном из молодых людей, окончивших только курсы или мало практикующих» [21, л. 11 об.]. Требовалась «особа решительная», поскольку «из начальствующих теперь нет никого благонадежного, все они не находчивы, мнительны и конфузны». Микулин беспокоился, что в критической ситуации, на пороге которой оказался город, при подобных «руководителях не далеко было и до народного бунта», который некому усмирить, поскольку «Кавказский линейный батальон номер 9, переименованный из батальона внутренней стражи, состоял из офицеров и неполного комплекта низших чинов, по большей части за пороки наказанных» [21, л. 7].

Человечество, вступив в XXI столетие, продолжает сталкиваться с новыми эпидемиями,

но даже сегодня современная медицинская наука, шагнувшая далеко вперед в области эпидемиологии, фармакологии и терапии, не всегда способна быстро и эффективно реагировать на возникающие угрозы. Говоря же об уровне развития медицины первой половины XIX в., можно представить, с какими трудностями столкнулись врачи Седлисовского и Бертьольского карантинов перед лицом cholera morbus.

«Холера распространяется быстрее пожара», – читаем мы в очередном донесении в столицу от 24 июля 1830 г. [21, л. 15]. В эти дни в Астрахани уже был создан чрезвычайный «особенный» Комитет под председательством гражданского вице-губернатора А. П. Гевлича, в который вошли офицеры военных ведомств и жандармского корпуса, медики и штаб-лекари, а также несколько гражданских чинов. Первые распоряжения комитета были полны решимости побороть холеру: «Медицинским чиновникам вести поденный журнал; давать обстоятельную записку о всех явлениях болезни; назначить средства к устроению больниц, снабжению их всем необходимым, доставлению зараженных и их лечению, а также о скорейшей печати листовок о мерах по предотвращению распространения холеры» [21, л. 19–20].

Однако даже в такое время местные чиновники бездействовали и занимались формализмом, растративая драгоценное время. Так, гражданский губернатор А. С. Осипов [21, л. 16] на несколько часов задержал распоряжение комитета напечатать листовки «под предлогом нарушения порядка службы» и требовал подавать документы соответствующим образом. «Полицмейстер титулярный советник Давыдов требовал от меня напечатать в губернской типографии какие-то бумаги сего комитета о болезни холеры. Будучи еще пока, по милости государя императора, начальником Астраханской губернии, поручил ему просить комитет чтобы сочинение свое доставил ко мне в порядке службы, и, если по рассмотрению будет оно удобно, мгновенно напечатаем в губернском правлении», – писал губернатор в столицу [21, л. 17]. Мелочность губернатора демонстрирует и тот факт, что данные бумаги не содержали никаких данных, требующих особой проверки – инструкция была составлена медиками и касалась исключительно предотвращения болезни. Действительно, обратившись к данному документу, читаем:

«Правила, как предохранить себя от болезни холеры.

1. Одеваться теплее, особенно поутру рано, и ночью не выходить босиком и в одной рубахе на воздух.

2. Не должно пить воды или квасу со льдом, особенно вспотевши также не купаться.

3. Не есть незрелых плодов, да и зрелых есть меньше, пить свежую воду или квас, дома хорошо приготовленный, а не продажный, также

не есть солонины, соленой и несвежей рыбы. Напившись молока не пить квасу, наевшись плодов не есть молока.

4. Кому можно – не спать на открытом воздухе.

5. Не напиваться пьяными и дома наблюдать чистоту в одежде и в доме» [21, л. 21 об.].

В Астрахани были напечатаны и правила, как следовало поступать в случае обнаружения первых признаков болезни. А именно:

«1. Как только начнешь слабить водянистой жидкостью со рвотой или без рвоты, с тоской под ложечкой, тотчас, если можно, пустишь глубокую тарелку крови, послать на будку для отыскания лекаря, между тем тереть под ложечкой горчицей в воде или вине распущенной, вином со стручковым перцем настоянным, вином с камфорой, а при недостатке сих средств – чистым дегтем.

2. Тем же тереть при судорогах руки, ноги и живот.

3. Больному в жажде никак не давать воды или квасу, а мяный и ромашковый чай или шалфей.

4. Если можно, больного посадить по шею в теплую ванну.

5. Если дома нет никаких средств, то больного отвезти в больницу» [21, л. 21 об.].

Вместе с памяткой прилагался список врачей с местами их проживания. Доктор Иван Алексеевич Суворов, Владимир Карлович Кондей, Ефим Яковлевич Бурцев, Федор Алексеевич Ушенин, лекари Гросшупор, Козловский – вот имена тех, кто был на передовой в борьбе со смертельной угрозой в те страшные дни [21, л. 22].

Подполковник Микулин в своем донесении от 23 июля вновь жаловался на бездействие губернатора: «Но вместо должного содействия гражданский губернатор, не уважая минут постигнувшего бедствия, продолжал привычную ему строптивую переписку, желая, чтобы каждое определение предварительно поступало к его рассмотрению при формальной бумаге» [21, л. 21]. Ситуация разрешилась только после того, как вице-губернатор А. П. Гевлич – председатель комитета, лично подал документы своему начальнику.

Посылая к Бенкендорфу письмо, он резюмировал, что с 20 по 23 июля заболело 28 человек, из которых умерло 17, «болезнь точно принимается за холеру, а способы, предпринимаемые против оной, не действуют, кажется, потому что больных объявляют нескоро, да устройства к помещению больных едва начинают основываться». «Я прошу Ваше Превосходительство унять гражданского губернатора и дать ему почувствовать, что его эгоизм не всегда может сходить с рук ему и должен иметь свои предель», – писал А. Х. Бенкендорфу титулярный советник М. Соболевский [21, л. 21].

Микулин и Соболевский были не единственными, кто писал в столицу о нерасторопности местной власти. Так, Л. В. Дубельт в своем донесении прямо указал, что «в местах квартирования жандармских команд дела обстоят благополучно, кроме как в Астрахани, где открылась болезнь холера морбус», и «меры осторожности со стороны местного начальства, а также устройство к помещению больных, едва ли начали здесь предприниматься» [21, л. 30].

16 августа А. Х. Бенкendorff получил очередное секретное донесение Соболевского от 31 июля следующего содержания: «Холера Морбус свирепствует в Астрахани двенадцатый день, за это время обстановка в городе значительно ухудшилась. Нынешнее появление холеры несравнительнее губительнее бывшего в 1823 году. Бедные медики труждаются сколько сил... но успехи невелики, многие из них, а особенно лучшие, от беспрерывных трудов и беспокойства сами делаются больны и едва успевают спасать себя, по сей причине писано в Саратов и Оренбург о присылке врачей оттуда» [21, л. 24]. По мнению титулярного советника, Комитет действовал в эти дни «старателю и принес много существенной пользы», но «по причине заболевших членов и он приходит несколько в разстройку». «Разстраивалось», впрочем, и управление губернией, так как гражданский губернатор «потерял единственного сына своего, женатого и семейного, поручил управление вице-губернатору и сам сделался болен». Управление губернией перешло на старшего советника. Некоторые места закрылись от присутствия. От беспрестанного вида печальных предметов по городу стало распространяться общее уныние, многие начали выезжать в другие места, даже «черный народ, который оставался свободным, бросился отсюда вверх по Волге». Лекарства не помогали, некоторые из них были признаны врачами совершенно бесполезными. Соболевский констатировал, что испуганный люд, видя это, прибегал к лечению дегтем, который «оказывал великую помощь, особенно в судорогах». Простой народ употреблял его «не только снаружи, но даже внутрь». По мнению титулярного советника, врачи, полиция и комитет действовали «неусыпно», но совершенно не хватало прислуги. «Сыскались благонамеренные люди, которые для общей пользы сделали довольно значительные пожертвования», но при таком положении дел деньги теряли свою цену: никто не соглашался брать их, «дабы вступить в больницы». «Казенная прислуга была изнурена до крайности», — писал Соболевский А. Х. Бенкendorffу. Завершая свой доклад, чиновник выразил надежду, что на «сих днях произойдет уменьшение злу», поскольку число умерших «противу предыдущих дней гораздо уменьшилось» [21, л. 24–25].

С 20 по 30 июля в Астрахани заболело холерой 900 человек, умерло 326. Согласно ведомости о заболевших и умерших военных за эти же дни, их заболело 329 человек, а умерло 107 [21, л. 26].

Доклад титулярного советника В. Быкова от 7 августа также рисует печальную картину Астрахани тех дней: «Холера продолжает свирепствовать с необычайной силой. Жертвой в числе прочих сделался и здешний гражданский губернатор Осипов, несмотря на все усилия медиков, усердно ставившихся помочь ему. Он кончил свою жизнь 2 числа и отправился вслед за сыном с порядочною свитой чиновников, гражданских и военных.... Список о числе умерших я не посылаю, потому что, хотя и получаю их ежедневно, но они неверны, ибо верных составлять их и некому. Из 23 квартальных надзирателей 8 или умерли, или больны, остальных 4 человека недостает на исправление нужнейших надобностей. Я велел назначить квартальных из купечества, ибо свободных чиновников здесь нет» [21, л. 34].

Из-за нехватки рабочих рук усопших стали хоронить, «худо зарывая землею», и от этого по вечерам на улицах города стоял тяжелый запах. Быков распорядился за «хорошую плату» нанять вольных рабочих, которые должны были надежнее закопать тела усопших, присыпав могилы известью. В городской казне на эти нужды денег уже не было, поэтому средства пришлось «занять у капиталистов за счет городских доходов» [21, л. 34 об.].

Быков хотя и докладывал в столицу, что болезнь, по мнению медиков, «перешла во второй период и сделалась легче», однако сам в это не верил, поскольку каждый день «холера похищала более ста человек, и умереть значило здесь не более, как выпить чашку чаю или стакан воды». Он писал: «Поутру говоришь с человеком или что-нибудь ему приказываешь, а в полдень или к утру слышишь, что его уже нет на свете» [21, л. 35].

После кончины гражданского губернатора вице-губернатор А. П. Гевлич вступил в отправление должности своего покойного начальника. Не без сожаления Быков сообщал в столицу, что и здоровье вице-губернатора, человека деятельного и очень полезного на своем посту, уже несколько раз подвергалось крайней опасности. «Я считал бы небесполезным повременить определением сюда губернатора: ибо каким бы ни было достоинство чиновника, но будучи человеком новым, его найдет здесь совершеннейший хаос, из которого ему весьма трудно будет выпутываться», — писал Быков [21, л. 35]. К счастью, А. П. Гевлич пережил ту эпидемию холеры и исполнял обязанности гражданского губернатора вплоть до 1832 г.

В донесениях от 14 августа Микулин и сенатор И. Лавров сообщили А. Х. Бенкendorffу о том, что холера совершенно прекратилась, «число погибших обоего пола и всякого

состояния и возраста, по теперешним сведениям, простирается до 3 тысяч человек». В сентябре заболело 287 человек, умерло – 156 человек, в октябре заболело – 17 человек, умерло – 19 человек [21, л. 38–39]. С 6 октября данные отсутствуют.

Из доклада саратовского вице-губернатора В. Я. Рославца, который был получен императором 30 августа, следует, что в первой декаде августа холера появилась в Царицыне и в Саратове. Чиновник писал Николаю I: «На 10 августа в Царицине умерло 122 человека. И как тамошний городничий Лешевич не имеет в себе ни качеств, соответствующих званию его, ни строгой распорядительности... я командировал в Царицын для исправления должности городничего благонадёжного чиновника, коллежского асессора Григорьева, а сверх этого отправил туда еще и одного медика» [22, л. 1].

В. Я. Рославец был уверен, что холеру в Саратовскую губернию занесли через низовые поселения рабочие люди из Астрахани, пришедшие в большом количестве. Для предотвращения свободного перемещения выезжающих из Астраханской и луговой стороны, он велел учредить 2 кордонные цепи: одна проходила по луговой стороне (левобережье Волги) от Камышина до Эльтона (предположительно вдоль сухопутного тракта), а вторая – по правому берегу Волги – вдоль реки Пичуга. Он также поручил разделить Саратов на кварталы, в каждом из которых для надзирания над течением болезни было назначено сверх полицейских чиновников определённое число из дворян. Однако в связи с тем, что чиновники сами становились жертвами холеры, а значительное число дворян и уволенных со службы покинули город, эта мера не дала должного эффекта. Понимая опасность положения, Рославец распорядился закрыть город на въезд и выезд, а фурраж и провиант приказал разгружать в «приличных местах» на подъезде к Саратову. Фрукты, а также пиво, квас, мед, отпускаемые в трактирах и питейных заведениях, были запрещены. Население было проинформировано о мерах предотвращения холеры, которые вторили инструкции астраханских медиков [22, л. 1–10].

Но, несмотря на предпринятые меры, в Саратове сложилась та же самая ситуация, что и в Астрахани. Только с 7 по 18 августа в Саратове умерло 455 человек [22, л. 20], а к 1 сентября по данным вице-губернатора скончались уже 2292 человека, включая малолетних, «коих умерло 212» [22, л. 24].

В то же время в Саратов было отправлено возвзвание министра внутренних дел А. А. Закревского «О содействии в борьбе с эпидемией холеры». Согласно документу, Саратовским обывателям предписывалось строго следовать правилам, а именно: в течение 14 дней не покидать карантин при выезде/въезде в/из места, где

свиредствует холера; при движении почты и эстафет надлежало окуривать все письма и посылки, омывать их «хлориновыми растворами», допускать курьеров, прошедших дезинфекцию, только до определенной черты, за которой посылки и письма передавать уже следующим почтальонам, также прошедшем процедуре дезинфекции [23, л. 1].

В фондах Государственного архива Саратовской области (далее – ГАСО) хранится «Наставление о лечении болезни, называемой холерой» [24], датируемое 1823 г., составленное на основании опыта английских врачей в борьбе с эпидемией, постигшей Индию пятью годами ранее. Английская медицина тех лет предлагала радикальный метод лечения болезни при помощи сладкой ртути (каломели) в сочетании с опийной шафранной настойкой. С точки зрения современной медицины, использование ртути и ее соединений опасно и наносит существенный вред организму, однако в начале XIX в. ртуть использовалась повсеместно как противомикробное средство, а также при лечении венерических заболеваний. И в случае с холерой, по отчетам английских медиков, больные, принимавшие каломель, выздоравливали. Но, несмотря на это, самым важным условием эффективности лечения доктора единодушно называли свое временную врачебную помощь до того момента, как у больного не произошли первые судороги, поскольку в таком случае действие употребленных средств казалось врачам вернее и спасительнее. Упустив этот момент, врачи уже не могли помочь пациенту.

В инструкциях по предотвращению распространения холеры, рассылаемых в сентябре 1830 г. по губерниям Российской империи министерством внутренних дел, мы находим много общего с трудами английских медиков. И в Англии, и в России врачи единогласно признавали, что болезнь быстрее распространялась в низинах, болотистых и лесистых местностях. Плохое питание, включая неуемное потребление немытых и незрелых плодов, изнурение тела и неопрятность, тесные, сырье и низкие жилища и влажный холодный ночной воздух считались факторами повышенного риска развития заболевания. В возвзвании Закревского также упоминается использование опийной настойки, однако не сказано ни слова про лечение ртутью.

Автор статьи не может доподлинно утверждать, практиковалось ли лечение ртутью в Саратове или где бы то ни было еще в Поволжье, равно как и могло ли подобное «лекарство» вообще оказаться эффективным. Однако неоспоримым является тот факт, что катастрофическая нехватка врачей и младшего медицинского персонала, помноженная на научные заблуждения того времени и огромные расстояния, способствовала потере драгоценного времени и сводила

усилия медиков практически к нулю. Из доклада В. Я. Рославца следует, что в разгар эпидемии в Саратове сложился «совершенный недостаток медиков по количеству больных», «семь врачей сделались одержимы холерою, из наличных лекарей один умер, трое больны, а трое выздоровели» [22, л. 10 об.]. Из соседних губерний впоследствии на помощь коллегам прибыли еще три доктора: по одному из Пензы, Симбирска и Казани.

Сталкиваясь со страшной болезнью лицом к лицу и не имея эффективных средств борьбы с ней, простой народ прибегал к самолечению, уповая на Божью волю. Глубокая религиозность, свойственная русскому народу, определяла и отношение к болезни. В таком случае молитва становилась в один ряд с современными для того времени методами лечения. Неудивительно, что в инструкции Закревского одним из условий предотвращения болезни являлось душевное успокоение, находимое в вере, в надежде на промысел Божий [23, л. 2 об.]. И простой народ, видя бессилие медицинской науки, обращался к Богу. Так, в ГАСО хранится документ, датируемый 1830 г., представляющий собой молитву для спасения от холеры. После молитвы следует краткое пояснение, что 11 октября 1830 г. некой женщине во Владимире во сне явился Николай Чудотворец, который повелел «читать эту молитву, и при себе носить, и другим раздавать» [25, л. 1].

В сентябре холера в Нижнем Поволжье, наконец, пошла на спад – количество ежедневно заболевавших существенно снизилось. Газета «Русский инвалид» от 19 сентября 1830 г. сообщала читателям: «По последним официальным известиям о действиях холеры в Саратове 18-го Августа было умерших около 200, а 31-го только 23 человека. В Царицыне болезнь прекратилась совершенно; в Хвалынске же умер от оной всего один человек» [26, с. 946].

Но эпидемия, начавшаяся в 1830 г. в Астрахани, продолжалась в Европе до 1838 г. Она имела совершенно иной, ужасающий масштаб: всего за год болезнь вышла за пределы Нижнего Поволжья, дошла до Казани и стремительно распространилась по всей Российской Империи, унося тысячи жизней.

Дальнейшее распространение холеры по территориям Российской империи в 1830–1831 гг.

В середине сентября 1830 г. холера проникла в старую столицу. Из 250 000 жителей Москвы заболело 8566 и умерло 4690 человек [19, с. 144]. В разгар холеры в Москву прибыл Николай I. Император приказал оцепить город, создав санитарный кордон. Согласно воспоминаниям А. Х. Бенкендорфа, который сопровождал царя в данной поездке, Николай Павлович провел в агонизирующющей Москве десять дней, демонстрируя своим подданным истинное мужество

перед лицом смертельной опасности: он без страха появлялся среди толпы москвичей, лично инспектировал стройку госпиталей и приютов для детей, которых холера сделала сиротами. Покинув Москву, император отправился в Тверь и там затворился вместе со своими спутниками на одиннадцатидневный карантин, после благополучного завершения которого отправился в Царское село.

В тот год на севере холера дошла до Вятки и Перми, на северо-западе – до Новгорода, от холеры страдали Ярославль, Тверь, южные регионы России. Зимой 1830/31 г. холера не отступила и в первых месяцах 1831 г. уже свирепствовала во многих западных губерниях – Минской, Гродненской, Виленской.

В июне 1831 г. холера пришла в столицу и всего за 10 дней поразила Санкт-Петербург. Те страшные события нашли отражение во многих записках, письмах, дневниках и воспоминаниях современников. А. Х. Бенкендорф на сей счет писал: «Без промедления император прибыл в город для того, чтобы отдать приказания и принять там меры, которые еще считались необходимыми с тем, чтобы бороться с этой ужасной болезнью. Во всех главных кварталах города он сразу же создал госпитали, назначил начальников округов с тем, чтобы заботиться о порядке в этих госпиталях, и чтобы оказывать неотложную помощь заболевшим и особенно детям, которых холера могла оставить без родителей и без средств к существованию. Он поспешил приказать вывести все кадетские корпуса из мест их расположения и расквартировать их в Петергофе, куда переехала вся императорская семья» [20, с. 480]. А. Х. Бенкендорф явился свидетелем переживаний императора из-за смерти в Витебске старшего брата Константина Павловича, который тоже сделался жертвой холеры. Сам Александр Христофорович также заболел. Что примечательно, император не боялся заразиться. Еще в Москве у него наблюдались симптомы похожие на симптомы холеры, которые, однако, достаточно быстро прошли. Николай Павлович ежедневно в течение трех недель навещал Бенкендорфа, вел с ним продолжительные беседы, именно от императора шеф жандармов узнал, что в столице начались волнения, вызванные холерой: «Эпидемия холеры устрашила все классы общества, которые заволновались. Особенно это сказалось на народных низах, страдавших от мер санитарного контроля, кордонов вокруг города, активного полицейского наблюдения и даже от тех забот, которые правительство им представило в госпиталях» [20, с. 481].

Смерть не жалела никого. Одни умирали за считанные часы, другие страдали сутками. Город жил в страхе, не понимая реальных причин болезни и не имея возможности противостоять ей. Такая ситуация – всегда благодатная почва для зарождения опасных слухов. Свидетели

смертей близких от горя начинали верить в самые абсурдные теории. Так, генерал инженерных войск Опперман скончался за несколько часов, убежденный, что был отравлен стаканом воды. И такой случай не был единичным. Город стремительно погрузился в траур, всюду были слышны соболезнования. Люди на улицах зашептались, якобы воды Невы были отравлены, и в этом причина страшных смертей. Среди знатных семейств и простого народа стали распространяться сплетни о том, что всему виной врачи-иностранные, которые, используя яды, хотят таким образом сократить численность населения империи.

Не удивительно, что вскоре на Сенной площади собралась большая толпа, которая принялась останавливать экипажи, оскорблять иностранцев и врачей. В тот момент озлобленные и испуганные люди совершенно вышли из-под контроля и даже подняли руку на полицейских и жандармов. Апофеозом стало нападение на устроенный здесь госпиталь: больных выволокли на улицу и бросили умирать на мостовых, служителей и санитаров избили и прогнали прочь, врачей преследовали и жестоко убивали на месте, имущество госпиталя полностью уничтожили. Генерал-губернатор граф П. К. Эссен попытался вразумить бунтовщиков, но его слова силы не возымели. Начались стычки с армией. Важную роль в успокоении беспорядков сыграл сам император, который не побоялся появиться лично на площади. Он остановил коляску посреди клокочущей толпы и грозным голосом приказал всем встать на колени: «Я приехал для того, чтобы попросить Господа быть милостивым к вашим грехам, чтобы молить его простить вас. Вы противитесь этому. Русские ли вы? Вы ведете себя, как французы и поляки. Вы забыли, что должны мне подчиняться, я смогу привести вас к порядку и наказать. Я отвечаю перед Богом за ваше поведение. Пусть откроют двери храма и пусть там молят Всевышнего за души несчастных, погибших от ваших рук» [20, с. 482]. Произнеся пламенную речь, император сумел образумить испуганный люд, а подстрекатели и убийцы оказались под следствием. А. Х. Бенкендорф писал в мемуарах, что в день в столице умирало до 600 человек. Из Петербурга холера проникла в военные поселения, в которых притесняемое местное население взбунтовалось и под лозунгом «Смерть офицерам и отравителям!» также стало чинить жестокие расправы.

Шествие болезни продолжилось на северо-запад в Финляндию, крайним же северным пунктом в Российской империи в ту эпидемию стал Архангельск.

Выводы

Эпидемия холеры, постигшая Нижнее Поволжье в 1830 г., разрослась в общенациональное

бедствие, став серьезным испытанием для России. И этому способствовал ряд объективных факторов.

Во-первых, мы не можем игнорировать тот уровень развития медицины, при котором происходила эпидемия. В первой половине XIX в. медики имели слабое представление как о самой болезни, так и причинах, вызывающих ее. Хотя они и догадывались, что возникновение заболевания как-то связано с водой и питанием, но поскольку еще не был открыт и изучен сам холерный вибрион, то многие из рекомендаций оказались бесполезными или даже вредными для здоровья. Например, кровопускание считалось первоочередным средством при появлении признаков болезни, однако современная медицина не рассматривает кровопускание как метод лечения, за исключением нескольких редких заболеваний, а показания к кровопусканию для пациентов весьма ограничены.

Современная наука доказала, что симптомы заболевания вызываются не самим холерным вибрионом, а продуцируемым им токсином. Механизм передачи – фекально-оральный, реализуется через факторы бытовой передачи (загрязнённые руки, предметы обихода), воду, пищевые продукты. Определённую роль играют мухи. Ведущий путь передачи – водный. Холера распространяется с большей лёгкостью, чем другие кишечные инфекции [27, с. 265]. Можно заразиться, употребляя мясо, молоко, овощи и фрукты, не подвергшиеся адекватной термической обработке. Опасность, особенно в первые дни болезни, представляют и выделения больного (например, рвотные массы), если они попадают в рот здорового человека.

Оказавшись в пищеварительном тракте, инфекция начинает свое губительное действие. Часть вибрионов под воздействием соляной кислоты погибает в желудке, но если бактерии проходят этот барьер, то, оказавшись в кишечнике, начинают стремительно размножаться, отравляя токсинами организм человека (бактерии хорошо растут на простых слабощелочных питательных средах и быстро гибнут при pH ниже 5,5. Образуют токсичные субстанции: термостабильный липопротеиновый комплекс (эндотоксин), термолабильный экзотоксин (энтеротоксин, холероген), обуславливающий развитие основных патогенетических механизмов дегидратации и деминерализации [27, с. 265]). Таким образом, наиболее подвержены заболеванию лица с пониженной кислотностью желудочного сока, страдающие анацидным гастритом, некоторыми формами анемии, глистными инвазиями или алкоголизмом, для таких пациентов потеря жидкости, вымывание калия, гидрокарбонатов повышают риски летального исхода и требуют срочной квалифицированной медицинской помощи, которую очевидцы событий 1830–1831 гг.

не могли получить, поскольку не существовало ни эффективных лекарственных препаратов, ни вакцины, ни поддерживающей регидратационной терапии. Катастрофическая нехватка медиков только ухудшала положение. На передовой в холерных бараках оказались студенты, врачей же опытных, встречавшихся с холерой в 1823 г., были единицы.

Во-вторых, социально-бытовые факторы также сыграли в распространении заболевания важную роль. Начнем с того, что в большинстве своем неграмотное население просто не могло прочитать рекомендации по борьбе с холерой, массово распространяемые с первых дней эпидемии. И даже если у них была такая возможность, то в рекомендациях врачей не было ни слова о дезинфекции рук и помещений. Хлорная известь, «хлориновые» растворы, которые использовались врачами как средства дезинфекции, воспринимались простым людом как яды. Крестьяне и городские низы отказывались от их использования.

Не было ни слова в инструкции и о мытье овощей и фруктов. Врачи своими рекомендациями ограничивали прием разных видов продуктов, но эти меры были во многом бессмысленны. Врачи не знали, что вибрион холеры не выдерживает температуру 50°C, и если, к примеру, фрукты не были термически обработаны, то не играло никакой роли – «зрелые или незрелые» плоды вкушал человек: вибрионы холеры в течение нескольких часов могли жить на поверхности фруктов, которые становились смертельно опасны.

Бурлаки, как и повальное количество крестьян, использовали в быту и для питья речную волжскую воду. Также по незнанию не происходило обеззараживания источников водоснабжения, и люди продолжали использовать зараженные колодцы и заболевать. В таких условиях окуривание помещений, писем и посылок, даже мытье рук «хлориновыми» растворами, создание кордонов и карантинных зон не могли полностью пресечь распространение инфекции.

Не последнюю роль в распространении холеры в Нижнем Поволжье сыграли и субъективные факторы. Так, легкомысленное отношение астраханского гражданского губернатора А. С. Осипова, который, зная о событиях 1823 г., заблаговременно не начал подготовку к возможному возвращению болезни. Накануне второй эпидемии карантины и бараки не были обустроены должным образом. Седлистовский и Бертюльский карантины, учитывая топографию местности, и вовсе располагались в неудачных местах, их легко можно было миновать. Получив первые сведения о заболевших на бриге «Баку», губернатор также не придал им должного значения, когда же факт появления холеры стало невозможно отрицать, он продолжил упорствовать, проявляя излишний формализм в отношении

специально созданного Комитета. Своевременно не был пресечен и отток жителей из эпицентра эпидемии, в частности, многочисленные артели бурлаков, формировавшиеся на Нижней Волге, в Астрахани, могли в короткий срок занести холеру в другие города, расположенные вверх по течению реки – в Царицын, Саратов. Таким образом, легкомыслie, халатность, и чрезмерный формализм в работе могли послужить одной из весомых причин столь стремительного распространения эпидемии, унесшей впоследствии как жизнь самого губернатора, так и тысячи других жизней.

Список литературы

1. Ковалёв М. В. Факторы развития и распространения холерных заболеваний в Саратове (конец XIX – начало XX века) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2017. № 1. С. 55–62.
2. Шешнёв А. С., Ковалев М. В. Санитарное состояние овражно-балочных систем и проблема организации стока с городской территории Саратова в конце XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2018. Т. 18, № 3. С. 214–218.
3. Варфоломеев А. Ю. «Навязчивая это была азиатская гостья»: эпидемия холеры на территории Саратова в 1830 г. // Базис. 2022. № 1 (11). С. 54–60. <https://doi.org/10.24412/2587-8042-2022-111-54-60>
4. Варфоломеев А. Ю. Опыт лечения и профилактики холеры в XIX веке (по материалам отчетов и публикаций врачей Саратовской губернии) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-17-23>
5. Варфоломеев А. Ю. Деятельность губернских и местных властей по борьбе с эпидемией холеры в саратовском Поволжье в 1892 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 4 (68). С. 25–37. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2023-4-3>
6. Виноградов С. В. Основные вехи истории борьбы с эпидемиями в Нижнем Поволжье (конец XIX – конец XX вв.) // Современная научная мысль. 2020. № 3. С. 77–81.
7. Михель Д. В. Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицины и бактериология начала XX века перед угрозой холеры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 64–74.
8. Смирнова Е. М. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 33–48.
9. Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. Abingdon ; N. Y. : Routledge, 2011. 227 p.

10. McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison : University of Wisconsin Press, 1965. 229 p.
11. Patterson K. D. Cholera diffusion in Russia, 1823–1923 // Social Science & Medicine. 1994. Vol. 38, № 9. P. 1171–1191.
12. Рашкович Б. Е. Азиатская холера: Попул. Очерк. Саратов : Тип. «Саратовский вестник», 1908. 23 с.
13. Carboni G. P. The enigma of Pacini's Vibrio cholerae discovery // Journal of Medical Microbiology. 2021. Vol. 70, № 11. <https://doi.org/10.1099/jmm.0.001450>
14. Недзвецкий Э. Ф. К микрографии холеры. М. : Университетская типография (Катков и К°). 1871–1872. 82 с.
15. Инфекционные болезни и эпидемиология : учебник / сост. В. И. Покровский, С. Г. Пак, Н. И. Брико, Б. К. Данилкин. М. : ГЭОТАР–Медиа, 2019. 1008 с.
16. Архангельский Г. И. Холерные эпидемии в Европейской России за 50-летний период с 1823–1872 гг. : дис. ... на степ. д-ра медицины Г. Архангельского. СПб. : Тип. М. Стасоловича, 1874. 342 с.
17. Дранкин Д. И. Холера: Прошлое и настоящее. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1973. 94 с.
18. Щепотьев Н. К. Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии. Казань : Типография Императорского Университета, 1884. 164 с.
19. Гезер Г. История повальных болезней : в 2 ч. / пер. с нем. А. Кашин. СПб. : Мед. деп. М-ва вн. дел, 1867. Ч. 2. 307 с.
20. Бенкendorf A. X. Воспоминания. 1802–1837. М. : Рос. Фонд Культуры, 2012. 761 с.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109: Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оп. 170. Ед. хр. 140.
22. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 170. Ед. хр. 141.
23. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407: Саратовская губернская ученая архивная комиссия. Оп. 1. Ед. хр. 1839.
24. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 1751.
25. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 1849.
26. Внутренние известия // Русский инвалид: газета военная, политическая и литературная. 1830. 19 сент. № 237.
27. Инфекционные болезни и эпидемиология : учебник / сост. В. И. Покровский, С. Г. Пак, Н. И. Брико, Б. К. Данилкин. 2-е изд. М. : ГЭОТАР–Медиа, 2007. 813 с.

Поступила в редакцию 01.03.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 01.03.2025; approved after reviewing 05.03.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025